

ТОМАС ПИНЧОН

«V.» кружит голову и будоражит воображение...
да что там — сводит с ума.

New York Herald Tribune

18+

оглавление

Глава первая, в которой Бенни Профан, шлемиль и одушевленный йо-йо, окончательно отбивается от рук

Глава вторая. Цельная Больная Шайка

Глава третья, в которой Шаблон, артист-трансформист, выступает с восемью перевоплощениями

Глава четвертая, в которой Эсфирь остается с носом

Глава пятая, в которой Шаблон едва не канает в Лету с аллигатором

Глава шестая, в которой Профан возвращается на уровень улицы

Глава седьмая. Она висит на западной стене

Глава восьмая, в которой Рахиль возвращает свой йо-йо, Руйни поет песенку, а Шаблон наносит визит Драному Зубцику

Глава девятая. История Монтаугена

Глава десятая, в которой разные комбинации молодежи собираются воедино

Глава одиннадцатая. Исповеди Фаусто Майистрала

Глава двенадцатая, в которой все не так забавно

Глава тринадцатая, в которой выясняется, что бечевка йо-йо — состояние ума

Глава четырнадцатая. V. влюблена

Глава пятнадцатая. Sahha

Глава шестнадцатая. Валлетта

Эпилог

Благодарности переводчика

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КНИГИ
ТОМАСА ПИНЧОНА,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

РАДУГА ТЯГОТЕНИЯ
ВЫКРИКИВАЕТСЯ ЛОТ 49

V.

ТОМАС ПИНЧОН

V.

Издательство «Иностранка»
Москва

Thomas Pynchon
V.
Copyright © 1961, 1963, 1989, 1991 by Thomas Pynchon
Russian translation rights arranged with Melanie Jackson Agency, LLC
through AJA Anna Jarota Agency
All rights reserved

Перевод с английского Максима Немцова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Пинчон Т.

V. : роман / Томас Пинчон ; пер. с англ. М. Немцова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-21818-5

18+

Томас Пинчон — наряду с Элинджером «великий американский затворник», один из крупнейших писателей мировой литературы XX, а теперь и XXI века, после первых же публикаций единодушно признанный классиком уровня Набокова, Джойса и Борхеса. В его дебютном романе «V.», удостоенном Фолкнеровской премии и вошедшем в шорт-лист Национальной книжной премии США, читатели впервые познакомились с фирменной пинчоновской одержимостью глобальными заговорами и тайными пружинами истории — и навеки очаровались. Здесь пересекаются пути Бенни Профана, «шлемила и одушевленного йо-йо», и группы нью-йоркской богемы, известной как Цельная Большая Шайка, и Херберта Шаблона, через множество стран и десятилетий идущего по следу неуловимой V. — то ли женщины, то ли идеи...

Перевод публикуется в новой редакции.

© М. В. Немцов, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

VVVVVVVVVVVV
VVVVVVVVVV
VVVVVVVV
VVVVV
VVVV
VVV
VV
V.

глава первая,

*в которой Бенни Профан,
шлемиль и одушевленный
йо-йо, окончательно
отбивается
от рук*

V

I

В Сочельник 1955-го Бенни Профану, в черных «ливайсах», замшевой куртке, подкрадухах и здоровенной ковбойской шляпе, случилось миновать Норфолк, Вирджиния. Подверженный сентиментальным порывам, он решил заглянуть в «Могилу моряка», таверну своего прежнего корыта на Восточной Главной. Проник в нее он через «Аркаду», у Восточно-Главного конца которой сидел старый уличный певец с гитарой и пустой банкой из-под «Стерно» для подношений. А на улице старший писарь пытался отлить в бензобак «пэкарда-патриция» 54-го года, и пять или шесть младших матросов стояли крúгом, ему потворствуя. Старик пел превосходным крепким баритоном:

Что ни вечер, на Восточной Главной — Рождество.
Здесь моряки подружек обретут,
Огни — рубин и изумруд —
Дружбу и любовь влекут,
Из моря корабли они зовут.
Мешок у Санты грезами набит,
И пиво бьет шампанским озорством.
Тут любят подавальщицы любить
И не дают тебе забыть,

Что на Восточной Главной — Рождество.

— Эгей, старшой, — завопил один бес. Профан свернул за угол. Как за нею водится, без особого предупреждения Восточная Главная напрыгнула на него.

Уволившись с Флота, Профан клал дороги, а когда работы не было — просто перемещался, вверх и вниз по восточному побережью, как йо-йо; и длилось это, может, года полтора. После такой давности на стольких именованных мостовых, что и считать неохота, Профан стал относиться к улицам с легкой опаской, особенно — к таким. Все они, вообще-то, сплывались в единственную отвлеченную Улицу, о которой с полнолунием ему станут сниться ужасы. Восточная Главная, гетто для Пьяных Матросов, с кем никто не знает, Что Делать, налетала на нервы со всею внезапностью того, как обычный ночной сон обращается в кошмар. Собака в волка, свет в межесветок, пустота в затаившееся присутствие, вот тебе сопляк-морпех блюет посреди улицы, подавальщица с гребным винтом, наколотым на каждой ягодице, один потенциальный бесноватый, что присматривается, как бы получше сигануть в оконное стекло (когда кричать «Джеронимо»? до или после того, как стекло разобьется?), пьяный боцманмат плачет, забившись в переулок, потому что когда БПы¹ в последний раз его таким поймали — укатали в смирительную рубашку. Под ногой то и дело начинался вибреж тротуара от берегового патрульного во многих фонарях оттуда, что ночной своей дубинкой выстукивал «Атас»; над головой, зеленыя и уродуя все лица, сияли ртутные лампы, удаляясь асимметричной V к востоку, где темно и баров больше нет.

Прибыв в «Могилу моряка», Профан застал разгар небольшой потасовки между матросами и гидробойцами. Миг постоял в дверях, наблюдая; затем,

осознав, что он уже и так одной ногой в «Могиле», нырнул вбок, чтоб не мешать драке, и прикинулся более-менее шлангом у латунных поручней.

— И чего не жить человеку в мире со своими собратями, — поинтересовался голос за левым ухом Профана. То была подавальщица Беатрис, возлюбленная всего 22-го Дивизиона ЭМ, не говоря о прежнем судне Профана, военном корабле США эскадренном миноносце «Эшафот». — Бенни, — возопила она. Они разнежились, снова встретившись после такой долгой разлуки. Профан принялся рисовать в опилках сердечки, стрелки сквозь них, морских чаек, несущих в клювах транспарант, гласивший «Дорогая Беатрис».

Экипаж «Эшафота» отсутствовал — жестянка эта отчалила в Средь позавчера вечером под целый шторм нытья команды, долетавший аж до облачных Путей (как утверждала байка) голосами с корабля-призрака; даже в «Малом Ручье» слышали. Соответственно, сегодня вечером подавальщиц имелось в наличии несколько больше обычного, обслуживали столики по всей Восточной Главной. Ибо говорится же (и говорится недаром), что стоит лишь судну вроде «Эшафота» отдать концы, как некие военно-морские жены в момент переоблачаются из штатского в буфетчицкие мундиры, разминают пивоносные руки и репетируют милые улыбки потаскуний; не успеет оркестр ОБ² ВМС доиграть «Былые времена»³, а эсминцы еще продувают трубы, осыпая черными хлопьями будущих рогоносцев, что мужественно вытянулись по стойке смирно, отбывая с сожаленьем и скупыми ухмылками.

Беатрис принесла пиво. От какого-то столика в глубине донесся пронзительный вяк, она дернулась, пиво плеснулось через обод стакана.

— Боже, — сказала она, — опять Фортель. — Фортель нынче служил мотористом на минном тральщике «Порывистый» и скандалом на всю длину Восточной

Главной. Росту в нем было пять футов без гака в палубных сапогах, и он вечно пер на рожон против самых здоровенных на судне, зная, что всерьез они его никогда не воспримут. Десять месяцев назад (перед тем, как его перевели с «Эшафота») Флот решил удалить Фортелю все зубы. В ярости Фортель кулаками пробил себе дорогу сквозь старшину-санинструктора и двух офицеров-стоматологов, и только после этого решили, что он свои зубы хочет сохранить на полном серьезе.

— Но подумай сам, — кричали офицеры, стараясь не расхохотаться и отмахиваясь от его крохотных кулачков: — обработка корневого канала, абсцессы десен...

— Нет, — верещал Фортель. Наконец пришлось двинуть ему в бицепс укол пентотала. Проснувшись, Фортель узрел апокалипсис, орал продолжительные непристойности. Два месяца он жутким призраком бродил по «Эшафоту», без предупреждения подпрыгивал и раскачивался на подволоке, будто орангутан, пытался пнуть комсостав в зубы.

Стоял, бывало, на кормовом подзоре и ездил по ушам тем, кто б ни готов был его слушать, разглагольствуя ватным ртом с больными деснами. Когда же во рту все зажило, ему вручили комплект блестящих уставных мостов, верхнего и нижнего.

— Боже мой! — заревел он и попытался прыгнуть за борт. Но его скрутил гаргантюанских габаритов негр по имени Дауд.

— Ты чего это, малявка, — сказал Дауд, подымая Фортеля за голову и пристально разглядывая эти судороги робы и ропота, чьи ноги бились в ярде над палубой. — Ты зачем это хочешь пойти и такое учинить?

— Мужик, да я сдохнуть хочу, больше ничего, — вскричал Фортель.

— Ты разве не знаешь, — произнес Дауд, — что ценнее жизни у тебя имущества нет?

— Хо, хо, — ответил Фортель сквозь слезы. — Почему

это?

— Потому, — сказал Дауд, — что без нее ты труп.

— А, — сказал Фортель. Неделю потом об этом думал. Успокоился, снова стал ходить в увольнения на берег. Сбылся его перевод на «Порывистый». Вскоре машина, после Отбоя, начинала слышать странный скрежет от койки Фортеля. Так оно шло недель пару-тройку, пока однажды ночью, часа в два, кто-то не зажег в кубрике свет — Фортель сидел по-турецки на койке и точил зубы небольшим полудрачевым напильником. В следующий вечер выдачи денежного довольствия Фортель сидел за столом в «Могиле моряка» с прочей машиной, тише обычного. Около одиннадцати мимо качко пронесло Беатрис с подносом пива. Злорадно Фортель высунул голову, широко распахнул челюсти и впился свежезаточенными протезами в правую ягодицу подавальщицы. Беатрис завопила, стаканы полетели, параболически сверкая и орошая «Могилу моряка» водянистым пивом.

Это стало у Фортеля любимым развлечением. По дивизиону, по эскадре, а то и по всему Атлантическому миноносному соединению поползли слухи. Не служащие на «Порывистом» или «Эшафоте» приходили посмотреть. От этого начиналось множество драк вроде происходящей нынче.

— Кого он цапнул, — спросил Профан. — Я не видел.

— Беатрис, — ответила Беатрис. Беатрис была еще одной буфетчицей. Миссис Буффо, хозяйка «Могилы моряка», которую тоже звали Беатрис, выдвинула теорию: как маленькие дети всех женщин зовут мамой, так и моряки, по-своему равно беспомощные, всех буфетчиц должны звать Беатрис. В целях дальнейшего осуществления этой материнской политики она установила у себя заказные пивные краны, выполненные из пенорезины, в виде гигантских грудей. С восьми до девяти в вечер жалованья тут происходило

нечто называемое миссис Буффо Часом Отсоса. Она его официально начинала, являясь из подсобки в кимоно, расшитом драконами, которое ей подарил воздыхатель с Седьмого флота, подносила к губам боцманскую дудку и давала сигнал «Команде Ужинать». По нему все кидались к пивным кранам, и, если везло добраться, из них удавалось соснуть. Кранов таких было семь, и обычно на такую потеху собиралось в среднем по 250 моряков.

Вот из-за угла бара высунулась голова Фортеля. Он щелкнул Профану зубами.

— А вот, — сказал Фортель, — мой друг Росни Гланд, на борту недавно. — Он показал на длинного печального мятежника с огромным клювом — дылда подвалил вместе с Фортелем, волоча по опилкам гитару.

— Здрасьте, — сказал Росни Гланд. — Мне хотелось бы спеть вам песенку.

— В честь того, что ты стал РПК⁴, — сказал Фортель. — Росни ее всем поет.

— Это в прошлом году было, — сказал Профан.

Однако Росни Гланд уперся ногой в латунный поручень, гитарой в колено и затрямкал. После восьми тактов эдакого он запел, в темпе вальса:

Разнесчастный Понурий Крысеныш,
По тебе все рыдают тайком.
В кубриках и на мостике грустно,
Слезы льет даже жалкий старпом.
Ты списался и сделал ошибку,
Жопу драть тебе целились шибко,
Рапортов на тебя — знай держись.
Ну а мне б — только флотскую лямку,
Крысой посуху — это не жизнь.

— Симпатично, — вымолвил Профан в стакан с пивом.

— Дальше — больше, — сказал Росни Гланд.

— О, — сказал Профан.

Сзади Профана вдруг окутали миазмы зла; на плечо

ему мешком картошки обрушилась рука, а в поле периферического зрения вполз пивной стакан, окруженный крупной vareжкой, неумело сработанной из шерсти недужного бабуина.

— Бенни. Как делишки чахнут, хьё, хьё.

Такой смех мог исходить только от Профанова некогда-сослуживца Свина Будина. Профан обернулся. И впрямь. «Хьё, хьё» примерно отображает смех, образуемый подведением кончика языка к основаниям верхних центральных резцов и выдавливанием из глотки гортанных звуков. Звучал он, как Свин и надеялся, до ужаса непристойно.

— Старина Свин. Ты разве не пропускаешь передислокацию?

— Я в самоволке. Боцманмат Папик Год вынудил дать тягу. — Избегать БП лучше всего по трезвянке и со своими. Потому и «Могила моряка».

— Как Папик.

Свин рассказал ему, как Папик Год и подавальщица, на которой он женился, разбежались. Она отвалила и устроилась работать в «Могилу моряка».

Ох уж эта юная жена, Паола. Сказала, что ей шестнадцать, но поди пойми — родилась перед самой войной, и здание со всеми записями о ней уничтожили, как большинство прочих зданий на острове Мальта.

Профан присутствовал при их знакомстве: бар «Метро», Прямая улица. Кишка. Валлетта, Мальта.

— Чикаго, — это Папик Год своим голосом гангстера. — Слыхала о Чикаго, — меж тем зловеще суя руку себе под фуфайку, обычный финт Папика по всей Средьлиторали. Вытаскивал обычно платок, а вовсе не волюну и не шпалер, сморкался в него и хохотал над той девчонкой, кому выпало сидеть напротив за его столиком. От американских киношек выработывались стереотипы — у всех, кроме Паолы Майистрал, которая и после его рассматривала так же, не раздув ноздрей,

брови на мертвой точке.

В итоге Папик занял 500 под 700 из смазочного фонда кока Малого, чтобы привезти Паолу в Штаты.

Может, для нее то просто был способ выбраться в Америку — полоумие всякой средиземноморской буфетчицы, — где хватает еды, теплой одежды, всегда есть отопление, дома целы и невредимы. Папику пришлось наврать про ее возраст, чтобы протащить в страну. Она могла выглядеть на любые года, каких пожелает. И в ней ты подозревал любую национальность, ибо Паола владела огрызками, похоже, всех языков.

Папик Год на потеху палубе описал ее в шкиперской кладовке военного корабля США «Эшафот». Говоря все время, однако, с причудливой нежностью, словно бы медленно осознавал, может, и по мере выкладывания байки, что в половых отношениях вдруг больше тайнства, нежели он предвидел, и счет ему в итоге окажется неведом, потому что такие счета не цифирью записываются. Что после сорока пяти лет жизни для любого разнузданного⁵ Папика Года было ничто по сравнению с самим таким открытием.

— Годный кадр, — обронил Свин в сторону. Профан перевел взгляд в глубину «Могилы моряка» и увидел, как она уже подходит сквозь скопившийся вечерний дым. Похожа на подавальщицу с Восточной Главной. Что там про зайца-беляка на снегу, про тигра в высокой траве на солнце?

Она улыбнулась Профану: грустно, с натугой.

— На сверхсрочную вернулся?

— Я проездом, — ответил Профан.

— Давай со мной на западное побережье, — сказал Свин. — Не собрали БП еще такой машины, чтоб уделала мой «харлей».

— Смотрите, смотрите, — вскричал малыш Фортель, прыг-скок на одной ножке. — Только не сейчас, ребята. На

старт. — Он показал. На стойке материализовалась миссис Буффо в своем кимоно. Заведение притихло. Между гидробойцами и матросами, забившими проход, заключилось мгновенное перемирие.

— Мальчики, — объявила миссис Буффо, — у нас Сочельник. — Она извлекла боцманскую дудку и заиграла. Над распахнутыми глазами и раззявленными ртами знойно и флейтово затрепетали первые ноты. Все в «Могиле моряка» слушали благоговейно, мало-помалу соображая, что играет она «Вот ясной полночью звучит», в ограниченном диапазоне боцманской дудки. Откуда-то с тылов заведения молодой резервист, некогда выступавший по ночным клубам Филли, взялся тихонько подпевать. У Фортеля засияли глаза.

— Это голос ангела, — произнес он.

Они дождались той части, что гласила «Покой земле, а людям благ Несет Небесный Царь», и тут Свин, воинствующий атеист, решил, что больше не выдержит.

— Это, — громко объявил он, — похоже на «Команде Ужинать». — Миссис Буффо и резервист умолкли. Прошла секунда, и только потом до всех дошло.

— Час Отсоса! — завопил Фортель.

Что как бы разрушило чары. Сообразительные узники «Порывистого» как-то слиплись в неожиданной круговерти веселых митрох, телесно вздернули Фортеля повыше и с малявкой наперевес ринулись к ближайшему соску, в ертауле наступления.

Миссис Буффо, воздвигшись на свой бастион, точно краковский трубач, приняла на себя всю мощь атаки и опрокинулась спиной в лохань со льдом, когда барную стойку штурмом взяла первая волна. Фортеля, с вытянутыми вперед руками, метнули через верх. Он уцепился за одну рукоять крана, и сослуживцы его тут же отпустили; инерция пронесла его вместе с рукоятью аркой вниз — пиво хлестануло белопенным каскадом из одной пенорезиновой груди, омывая Фортеля, миссис

Буффо и пару дюжин моряков, забежавших за стойку фланговой атакой, а теперь колотивших друг друга до бесчувствия. Группа же, перекинувшая Фортеля, рассредоточилась и попыталась отхватить себе побольше кранов. Главный корабельный старшина Фортеля, держась за его ноги, стоял на четвереньках готовый сшибить его с этих ног и самому занять место голеадора, когда Фортелю уже хватит. Подразделение «Порывистого» в стремительном своем рейде образовало живой клин. В кильватере за ними сквозь брешь пробралось по крайней мере еще шестьдесят истекавших слюнями синих бушлатов — они пинались, царапались, толкались локтями, оглушительно ревели; кое-кто размахивал пивными бутылками, расчищая себе путь.

Профан сидел у дальнего конца стойки, озирая вручную выделанные палубные сапоги, клеша, подвернутые манжеты «ливайсов»; время от времени являлась слюнявая рожа, приделанная к падшему телу; битые пивные бутылки, крохотные ураганы опилок.

Вскорости он перевел взгляд; там была Паола, руки вокруг его ноги, щека прижата к черному дениму.

— Ужас, — сказала она.

— О, — сказал Профан. Погладил ее по голове.

— Мир, — вздохнула она. — Не его ли нам всем надо, Бенни? Хоть чуточку мира. Чтоб никто не прыгал и не кусался за жопу.

— Чш, — сказал Профан, — глянь: только что Росни Гланду кто-то двинул в живот его же гитарой.

Паола побормотала ему в ногу. Они сидели тихонько, не подымая взглядов на побоище, бушевавшее сверху. Миссис Буффо предприняла буйную истерику. Нечеловеческие рыдания бились в старое поддельное красное дерево бара и вздымались из-под него.

Свин сдвинул в сторону пару дюжин пивных стаканов и уселся на выступ за стойкой. В лихую годину он

предпочитал отсиживаться и наблюдать. Свин рьяно пялился на сослуживцев, что отнятыми поросятками бились за семь гейзеров под ним. Пиво промочило почти все опилки за стойкой: потасовки и любительские антраша теперь карябали в них чужеродную иероглифику.

Снаружи донеслись сирены, свистки, топот бегущих ног.

— Ой, ой, — произнес Свин. Он соскочил с выступа, пробрался вокруг конца стойки к Профану и Паоле. — Эй, ас, — сказал он невозмутимо и сощурившись так, словно ему дуло ветром в глаза. — Шериф на подходе.

— Через зад, — ответил Профан.

— Девку захвати, — сказал Свин.

Втроем они короткими перебежками миновали пересеченную местность кишачих тел. По пути прихватили Росни Гланда. Когда Береговой Патруль вломился в «Могилу моряка», молотя дубинками, четверка уже ловила себя на том, что мчится по переулку, параллельному Восточной Главной.

— Мы куда, — сказал Профан.

— Куда следуем, — сказал Свин. — Двигай жопой.

II

А оказались они в конце концов на квартире в Ньюпорт-Ньюз, населяемой четверкой лейтенантов ВОЛН⁶ и стрелочником с угольных причалов (другом Свина) по имени Моррис Тефлон, эдаким отцом дома. Неделя между Рождеством и Новым годом провелась достаточно пьяно, чтоб опознать, что это были праздники. Никто в доме, похоже, не возражал, когда все они вселились.

Прискорбная привычка Тефлона свела Профана и Паолу вместе, хотя ни ему, ни ей этого не хотелось. У Тефлона имелся фотоаппарат: «лейка», раздобытая

полулегально за морем одним флотским другом. По выходным, когда дела шли хорошо, а дешевое красное плескалось всюду волной от тяжелого купца, Тефлон накидывал камеру себе на шею и отправлялся бродить от кровати к кровати, делая снимки. Их он потом продавал охочим матросам на нижнем конце Восточной Главной.

Так вышло, что Паола Год, урожденная Майистрал, отдав швартовы по собственному капризу из надежной постели Папика Года рано, а из почти-дома «Могилы моряка» поздно, ныне пребывала в потрясении, отчего Профан наделялся всевозможными целительскими и сопереживательными талантами, коими на деле не обладал.

— Только ты у меня и есть, — предупредила его она. — Будь ко мне добр. — Они сживали вокруг стола на кухне Тефлона: Свин Будин и Росни Гланд лицом к ним каждому, как партнеры по бриджу, посередине бутылка водки. Никто не разговаривал — только спорили, с чем мешать водку дальше, когда то, что есть, кончится. На той неделе они попробовали молоко, баночный овощной суп, наконец сок из высохшего куса арбуза — больше у Тефлона в холодильнике не осталось ничего. Попробуй как-нибудь выжать арбуз в стопку, если рефлексы твои уже не те. Считай, невозможно. Выколупывать арбузные семечки из водки тоже оказалось целое дело и привело к нарастанию взаимной неприязни.

Неприятность отчасти была в том, что и Свин, и Росни оба на Паолу положили глаз. Всякий вечер они обращались к Профану как к попечителю и запрашивали себе второй разбор.

— Она от мужиков старается отойти, — пытался сказать Профан. Свин от такого либо отмахивался, либо воспринимал как оскорбление Папику Году, старому своему начальнику.

Говоря по правде, Профану ничего не обламывалось.

Хотя становилось трудно сказать, чего Паола хочет.

— Ты в каком это смысле, — говорил Профан. — Быть к тебе добр.

— Как Папик Год не был, — отвечала она. Вскоре он отказался и от попыток декодировать несколько ее бзиков. Временами она принималась излагать всевозможные дикие сказки о неверности, чуть-что-в-зубы, о пьяных издевательствах. Профан скатывал и пролопачивал, оббивал зубилом, драил железным ершом, красил и снова оббивал под началом Папика четыре года, а оттого поверил бы где-то половине. Половине потому, что женщина — лишь половинка того, у чего обычно есть две стороны.

Она всех обучила песенке. Сама ее узнала от авиадесантника, по-французски слинявшего от боевых действий в Алжире:

*Demain le noir matin,
Je fermerai la porte
Au nez des années mortes;
J'irai par les chemins.
Je mendierai ma vie
Sur la terre et sur l'onde,
Du vieux au nouveau monde...⁷*

Он был коренаст и сложен, как сам остров Мальта: скала, непроницаемое сердце. С ним она провела всего ночь. А потом он отчалил в Пирей.

Я в самый черный час запру покрепче двери, мертвым годам нет веры — чуть свет уйду от вас. По миру я пойду, по волнам и по скалам — что новый свет, что старый...

Она показала Росни Гланду аккорды, и вот все они сидели вокруг стола на зябкой кухне Тефлона, а четыре газовых огонька на плите пожирали их кислород; и пели, пели. Когда Профан наблюдал за ее глазами — думал, она грезит о десантнике: вероятно, человеку

бесполитичном и храбром, какими все вообще на войне бывают, — но он устал, вот и все, устал перемещать туземные деревни и поутру измысливать варварства похлеще тех, что творились *F. L. N.*⁸ накануне ночью. На шее она носила Чудотворную Медаль (подаренную, быть может, каким-нибудь случайным моряком, кому напоминала добрую девочку-католичку еще из Штатов, где близость забесплатно — или за свадьбу?). Что она вообще за католичка? Профан, который сам католик наполовину (мама-еврейка), чья нравственность фрагментарна (ибо выводится из опыта, а того немного), не понимал, какие затейливые иезуитские аргументы привели ее к тому, чтоб сбежать с ним, отказываться делить с ним постель, но все равно просить его «быть к ней добрым».

Накануне Нового года они ночью отбились от кухни и забрели в кошерную закусочную в нескольких кварталах оттуда. А вернувшись к Тефлону, обнаружили, что Свина и Росни там нет: «Ушли бухать», — гласила записка. Внутри все было озарено рождественски, радио настроено на «В-О-Эл-Эн» и Пэта Буна в одной спальне, в другой грохот бросаемых предметов. Молодой паре как-то удалось наткнуться на затемненную комнату, а в ней эта кровать.

— Нет, — сказала она.

— В смысле, да.

Скрип, сказала кровать. Не успел никто сообразить:

Щелк, сказала «лейка» Тефлона.

Профан совершил то, что он него ожидалось: с ревом слетел с кровати, рука завершилась кулаком. Тефлон увернулся шутя.

— Будет, будет, — хмыкнул он.

Грубо нарушенное уединение — пустяк; но прерывание случилось в аккурат перед Большим Мигом.

— Ты не против, — говорил ему Тефлон. Паола спешила влататься.

— Наружу, в снег, — сказал Профан, — вот куда эта камера, Тефлон, отправляет нас.

— На: — открыл фотоаппарат, отдал Профану пленку, — будешь дуться из-за этого, как конский зад.

Профан взял пленку, а на попятный уже пойти не смог. Поэтому оделся и нахлобучил ковбойскую шляпу. Паола надела флотскую шинель, для нее великоватую.

— Вон, — вскричал Профан, — под снег. — Кой на самом деле там и был. Они успели на паром в Норфолк и сидели в верхнем салоне, пили черный кофе из картонных стаканчиков и смотрели, как снежные покровы немо хлопают о широкие иллюминаторы. Больше смотреть было не на что — лишь бичара на банке напротив да они сами. Где-то внизу бумкала и ворочалась машина, они ее чувствовали ягодицами, но ни он, ни она так и не придумали, что сказать друг дружке.

— Ты хотела остаться, — спросил он.

— Нет, нет, — вздрогнула она, между ними благоразумный фут потертой банки. У Профана не возникло порыва привлечь ее поближе. — Как решишь.

Мадонна, подумал он, у меня иждивенец завелся.

— Чего ты дрожишь. Тут же тепло вроде.

Она покачала головой, мол, нет (что бы это ни значило), не сводя взгляда с носков своих галош. Немного погодя Профан встал и вышел на палубу.

От снега, лениво падавшего на воду, 11 вечера напоминали сумерки или затмение. Над головой всякие несколько секунд взреывал гудок, спугивая всё со встречного курса. Однакож на этом рейде в конце концов будто ничего не было, лишь корабли, необитаемые, неодушевленные, шумят друг другу, что значит не более бурленья винтов или шипа снега по воде. И Профан тут совсем один.

Некоторые из нас боятся умереть; другие — человеческого одиночества. Профан боялся таких вот

далее суши или моря, где не живет больше никто, кроме него самого. Он, похоже, вечно в такую забредает: свернешь за угол на улице, откроешь дверь на верхнюю палубу — и вот уже в чужих краях.

Но дверь у него за спиной открылась снова. Вскоре он почувствовал, как руки Паолы без перчаток скользнули ему подмышки, щека ее прижалась к его спине. Мысленный взор его ретировался, озирая их натюрморт, как смотрел бы посторонний. Но от Паолы сцена ни на гран не стала менее чужой. Так они и держались до другой стороны, паром скользнул к причалу, и лязгнули цепи, занули зажигания машин, завелись моторы.

На автобусе они въехали в город, бессловесно; сошли у отеля «Монтичелло» и выступили к Восточной Главной искать Свина и Росни. В «Могиле моряка» было темно, впервые на памяти Профана. Должно быть, легавые закрыли.

Свина они отыскивали по соседству, в «Честеровом Виталище Вахлака». Росни подсел лабать к банде.

— Балеха, балеха, — кричал Свин.

Около дюжины бывших служивых с «Эшафота» восхотели вечер встречи. Свин, назначив себя общественным распорядителем, выбрал «Сусанну Сквадуччи», итальянский комфортабельный лайнер, ныне на последних этапах постройки на верфях Ньюпорт-Ньюз.

— Опять в Ньюпорт-Ньюз? — (Решив не сообщать Свину о размолвке с Тефлоном.) Стало быть: снова йо-йошим. — Это пора прекращать, — сказал он, но его никто не слушал. Свин уже отплясывал похабный буги с Паолой.

III

Той ночью Профан спал у Свина, рядом со старыми паромными причалами, и спал он один. Паола

столкнулась с одной Беатрис и отправилась ночевать к ней, кротко пообещав Профану, что составит ему пару на встречу Нового года.

Около трех Профан проснулся на кухонном полу с головной болью. Ночной воздух, люто холодный, сочился под дверь, и откуда-то снаружи до Профана доносился низкий настойчивый рык.

— Свин, — хрипло выдавил Профан. — Аспирин у тебя где. — Нет ответа. Профан ввалился в другую комнату. Свина в ней не было. Рык снаружи набрал угрозы. Профан подошел к окну и увидел Свина в переулке: он сидел на мотоцикле и газовал. Крохотными мерцающими остриями падал снег, переулок держал причудливый снежный свет сам по себе: сведя Свина к черно-белому шутовскому костюму, а древние кирпичные стены, присыпанные порошей, к безучастной серости. На Свине была вязаная шапочка вахтенного, натянутая на лицо до шеи, отчего голова его представляла собой сферу мертвой черноты. Вокруг него тучами вздымались клубы выхлопа. Профана передернуло. — Ты чего делаешь, Свин, — позвал он. Тот не ответил. Загадка или зловещее виденье Свина и его «харли-дейвидсона» одних в переулке в три часа ночи ни с того ни с сего напомнили Профану о Рахили, а думать о ней ему совсем не хотелось, сегодня ночью в пронизывающей холодрыге уж точно, с головной болью, когда в комнату крадется снег.

Рахиль Филинзер владела, еще в 54-м, этим своим «МГ». Папашин подарок. Обкатав его в гарантийном плавании по местности вокруг Главного центрального (где располагалась Папашина контора), познакомив с телефонными столбами, пожарными гидрантами и случайными пешеходами, она отогнала машину на лето в Кэтскиллз. Тут мелкая, насупленная и роскошная фигурой Рахиль устраивала на этом своем «МГ» тпру и ну всем кровожадным поворотам и вывертам Трассы 17,

виляя его наглым задом мимо возов сена, ворчливых полуприцепов, старых открытых «фордов», набитых под завязку стриженными ежиком гномами-студиозусами.

Профан только списался с Флота и тем летом работал салатным поваренком в «Трокадеро Шлоцхауэра», в девяти милях от Либерти, Нью-Йорк. Начальником у него был некто Да Конью, безумный бразилец, который желал сражаться с арабами в Израиле. Однажды вечером перед открытием сезона в салоне «Фиеста», сиречь баре «Трокадеро», появился пьяный морпех с автоматом .30-го калибра в самоволочном своем вещмешке. Он не очень соображал, как к нему попало оружие: Да Конью предпочитал считать, что его деталь за деталью контрабандой вынесли с острова Пэррис — так бы поступила «Хагана». После значительного торга с барменом, которому тоже хотелось автомат, Да Конью в итоге восторжествовал, обменяв на него три артишока и баклажан. Свой приз Да Конью присовокупил к мезузе, прибитой над овощным холодильником, и сионистскому флагу, висящему за салатной стойкой. В следующие недели, пока старший повар смотрел в другую сторону, Да Конью собирал свой автомат, маскировал его салатом «айсберг», жерухой и бельгийским эндивием и понарошку расстреливал собравшихся в зале едоков.

— Тары-бары, тары-бары, — озвучивал он, недобро щурясь в прицел, — в самую мертвую точку тебе, Абдул Саид. Тары-бары, мусульманская свинья. — Автомат Да Конью был единственным на свете, который стрелял «тары-бары». Да Конью засиживался до начала пятого утра, чистя его, грезя о пустынях, похожих на лунные, о жарком шепоте ченгов, о йеменских девушках, чьи изысканные головы покрыты белыми платками, а чресла ноют от любви. Он не понимал, как американские евреи могут самовлюбленно отсидивать в этой зале одну трапезу за другой, когда всего лишь за

полмира от них трупы их сородичей неумолимо заносит песками пустыни. Как ему сказать об этом бездушным желудкам? Воспалить их речами масла и уксуса, умолить пальмовой сердцевиной. У него один голос — голос автомата. Услышат ли они его, умеют ли вообще желудки слушать: нет. Ведь никогда не слышишь того, что тебя пробирает. Нацеленный, быть может, на любой пищеварительный тракт в костюме от «Харта, Шаффнера и Маркса», что похотливо урчит, не скрываясь, любой проходящей официантке, автомат этот — лишь предмет, направленный туда, куда может его навести любая неуравновешенная сила: но к какой ременной пряжке Да Конью стремился прежде всего: к Абдулу Саиду, пищеварительному тракту, себе самому? Чего спрашивать. Знал он лишь одно — что он сионист, страдает, смятен, безрассуден до того, что готов стоять по самый верх носков в крупном песке любого кибуца совсем другого полушария.

Профан задавался тогда вопросом, что это у Да Конью с этим его автоматом. Любовь к предмету, это для него новость. Когда он вскоре после обнаружил, что у Рахиль с ее «МГ» то же самое, ему поступили первые разведанные, что под розой что-то происходит, возможно — дольше и у большего числа людей, нежели ему хотелось бы думать.

Познакомился он с нею через «МГ», как и все с ней знакомилась. Она его чуть не сбила. Однажды полуднем он выбрал из черного хода кухни с мусорным баком, переполненным листьями латука, который Да Конью счел некондиционным, и тут откуда-то справа до него долетел зловещный рык «МГ». Профан шел себе дальше, исполненный крепкой веры в то, что отягощенные ношей пешеходы обладают преимущественным правом перед автомобилями. И тут же его задний конец подрезало правое крыло машины. Та, к счастью, двигалась со скоростью всего 5 миль/час — не так

быстро, чтобы сломать ему что-нибудь, но Профан вместе с мусорным баком и листиками латука полетел вверх кармашками, как огромный зеленый фонтан.

Они с Рахилью, оба в латучной листве, посмотрели друг на друга, сторожко.

— Как романтично, — сказала она. — Чего доброго, вы еще и мужчина моей мечты будете. Снимите этот листик с лица, чтоб я разглядела хорошенько. — (Как бы стаскивая шляпу — вспомнив свое место, — он снял лист.) — Нет, — сказала она, — вы не он.

— А может, — сказал Профан, — в следующий раз попробуем с фиговым.

— Ха, ха, — ответила она и с ревом укатила. Профан нашел грабли и принялся собирать мусор в кучу. Он размышлял: вот еще один неодушевленный предмет, который его чуть не убил. Он не был уверен, о Рахили это или о ее машине. Груды латука собрал обратно в мусорный бак и вывалил его за автостоянкой в овражек, служивший «Трокадеро» выгребной ямой. А когда возвращался на кухню, Рахиль подъехала снова. Аденоидный выхлоп «МГ» звучал так, что слышали, должно быть, аж в Либерти. — Поехали катнемся, але-Жоп, — позвала она. Профан прикинул, что запросто. Накрывать на ужин еще через два часа.

Через пять минут по Трассе 17 он решил: если вернется вообще в «Трокадеро» живым и неискаленным, забудет о Рахили и далее станет интересоваться только девушками из тихой пехтуры. Машину она вела, как проклятая на каникулах. У него не было сомнений: способности и свои, и машины она знает, но откуда ей, к примеру, известно перед поворотом с плохой обзорностью на двухрядке, что до встречного молоковоза окажется ровно столько, чтобы успеть юркнуть обратно на свою полосу с зазором в целую шестнадцатую дюйма?

Профан слишком боялся за свою жизнь, чтобы, как это

с ним бывало обычно, робеть с девушкой. Он протянул руку, открыл ее сумочку, нашел сигарету, закурил. Рахиль не заметила. Ехала она целеустремленно и не сознавая, что рядом кто-то сидит. Заговорила лишь раз — сообщила ему, что сзади стоит коробка холодного пива. Он дымил ее сигаретой и не понимал, тянет ли его к самоубийству. Казалось, иногда он нарочно подставляется злонамеренным предметам, шлимазнуться до полного несуществования. Зачем он тут вообще? Потому что у Рахили славная жопка? Он глянул вбок на нее — подскакивает на кожаной обивке, синхронно с машиной; понаблюдал за не-слишком-уж-простым и не вполне гармоничным колебанием ее левой груди, не затухавшим под черным свитером. Наконец заехали в заброшенную каменоломню. Вокруг валялись корявые куски камня. Он не знал, какой породы, но все — неодушевленные. По грунтовке они поднялись к плоскому участку в сорока футах над дном карьера.

День выдался неуютный. С безоблачных, небережных небес лупило солнце. Профан, толстый, потел. Рахиль сыграла в «А Ты Знаешь» нескольких ее знакомых пацанов, что ходили с ним в одну среднюю школу, и Профан проиграл. Она болтала обо всех свиданках, какие обломились ей этим летом, и все, похоже, — со старшекурсниками из колледжей «Плющевой Лиги». Профан время от времени поддакивал, до чего это прекрасно.

Говорила она и о Беннингтоне, ее альма-матери. Говорила о себе.

Рахиль происходила из Пятиградья на южном берегу Лонг-Айленда — района, состоящего из Мэлверна, Лоренса, Сидархёрста, Хьюлетта и Вудмиэра, а иногда Лонг-Бича и Атлантик-Бича, хотя никому ни разу не приходило в голову называть его Семиградьем. Хотя живут там отнюдь не сефарды, район, видать, подвержен некоему географическому инцесту. Дщерей

удерживают в волшебных границах страны, где эльфийская архитектура китайских ресторанов, дворцов морепродуктов и синагог с полуэтажами частенько завораживает, как море, и они там бродят туда-сюда, как толпа Рапунцелей, застенчивых и темноглазых; а когда созреют, их усылают в горы и колледжи Северо-востока. Не на мужей охотиться (ибо в Пятиградье достичь определенного паритета возможно всегда — согласно ему славный мальчик может предназначаться кому-то в супруги уже в шестнадцать или семнадцать лет); но дабы им дарована была иллюзия как минимум «нагуляться» — столь необходимая для эмоционального развития девушки.

Сбегают лишь самые смелые. Чуть воскресный вечер, гольф окончен, негритянки-горничные, устранив беспорядок после вчерашней вечеринки, отправляются в Лоренс навестить родню, а до Эда Салливана еще не один час, кровь королевства сего истекает из их громадных жилищ, просачивается в автомобили и следует к деловым районам. Там же забавляют они себя среди вроде бы бескрайних просторов креветок-бабочек и яиц фу-янг; азиаты кланяются и улыбаются, и порхают в летних сумерках, а в голосах у них поют птицы лета. И с паденьем ночи настает краткий променад по улице; отцовский торс крепок и уверен в костюме от Дж. Пресса; дочерние глаза тайны за солнечными очками, оправленными стразами. И как имя свое ягуар уделил маминой машине, так узор своей шкуры он подарил брючкам, облекающим ее округлые бедра. Кто отсюда сбежит? Кому захочется?

Рахиль хотелось. Профан, чинивший дороги вокруг Пятиградья, ее понимал.

Когда солнце закатывалось, они почти уговорили коробку на двоих. Профан был пагубно пьян. Он выбрался из машины, забрел за дерево и нацелился на запад, с некоторым намереньем обоссать солнце и